



DOI [10.31162/2618-9569-2018-11-2-350-358](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-2-350-358)

УДК 2-67:316.485.6

ВАК 26.00.01

Теологический анализ религиозного конфликта: новые возможности и ограничения

З. В. Силаева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация,
silaeva-zoya@mail.ru

Аннотация: статья посвящена исследованию особенностей теологического анализа религиозного конфликта. Интерес к данной проблематике обусловлен ростом напряжения в поликонфессиональных регионах, вызывающим беспокойство проживающего в них населения, приводящим к поведенческому дисбалансу и повышению внимания к религиозной сфере, а как следствие, и к поднятию вопроса об эффективности государственно-конфессиональных отношений, выстроенных на определённой территории. Сложность анализа заключается в самом феномене религиозного конфликта, который фрагментарно используется в научном дискурсе и интерпретация которого во многом обусловлена специализацией исследователя. Как самостоятельная отрасль знания религиозная конфликтология до сих пор не сложилась. Практическую и теоретическую значимость представляет решение вопросов о сущности и формах религиозного конфликта, разработка ненасильственных стратегий и тактик управления им, а также методов грамотного построения и проведения межрелигиозного диалога для достижения согласия. В данной работе анализируются условия для эффективного осуществления представительско-посреднической деятельности теологов при работе с конфликтами, а также возможности и ограничения проводимого ими анализа.

Ключевые слова: конфликтология; религиозный конфликт; теология; расколы; межконфессиональные отношения

Для цитирования: Силаева З. В. Теологический анализ религиозного конфликта: новые возможности и ограничения. *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(2):350–358. DOI: [10.31162/2618-9569-2018-11-2-350-358](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-2-350-358).

Theological Analysis of the Religious Conflict: New Opportunities and Limitations

Zoya V. Silaeva

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation,
silaeva-zoya@mail.ru

Abstract: the article deals with the analysis of religious conflict from the theological point of view. The topic invites a closer attention due to the increasing tensions between the members of multi-confessional communities. These tensions result in the population's acute interest



towards various religious aspects. They also challenge the efficiency of the established relations between the state and the Church and may result in bloody conflicts. Many specialists in the study of conflicts consider therefore the present century as a turning point, which inevitably has to enhance our knowledge and understanding of the phenomenon of a conflict.

Keywords: Conflict Resolution; Religious Conflict; Theology; Schism; Religions, Relations Between

For citation: Silaeva Z. V. Theological Analysis of the Religious Conflict: New Opportunities and Limitations. *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(2):350–358. DOI: [10.31162/2618-9569-2018-11-2-350-358](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-2-350-358).

Религиозный конфликт как объект изучения теологии

Многие исследователи и эксперты в области конфликтологии считают, что либо XXI век станет веком развития знаний о конфликтах, либо он будет последним в истории цивилизации [1, с. 24]. Существует несколько десятков определений понятия «конфликт», авторы которых отталкиваются от разных научных парадигм, методов и дисциплин. Единственное, что их объединяет, – это латинское слово *conflictus*, обозначающее «столкновение», происходящее между кем-то или чем-то, например, между сторонами или мнениями.

Особое значение понятие «конфликт» приобретает в религиозной сфере, так как его сущность определяется конъюнктурно. Обратимся к энциклопедическому словарю по религиоведению. В. С. Глаголев рассматривает религиозный конфликт, с одной стороны, как «конфронтацию групп верующих и клира на основе религиозных мотивов в рамках одной церкви или объединения», с другой стороны, как «временное обострение либо состояние хронической напряжённости в отношениях догматически и организационно самостоятельных церковно-религиозных структур, религиозных объединений и соответствующих групп верующих, идеологически мотивируемое религиозными соображениями каждой из противостоящих сторон» [2, с. 987–988]. На наш взгляд, данное определение больше подходит к описанию сущности конфессиональных конфликтов, которые могут быть как внутренними, так и межконфессиональными.

Рассматривая конфликт как столкновение между сторонами, в учебнике под ред. В. С. Орлянского религиозный конфликт понимается как «столкновение и противодействие между носителями религиозных ценностей, которые обусловлены различиями в их мировоззрении, представлениях и отношении к Богу, разным участием в религиозной жизни» [3, с. 12–14]. В этом определении автор акцентирует внимание на межличностных конфликтах, и анализировать конфликты на межгрупповом или институциональном уровне в рамках такого понимания сложно.

В настоящее время нет общего определения религиозного конфликта, которое было бы признано в научном сообществе и не вызывало возражений. Отдельные аспекты данной проблематики освещены в социально-психологи-



ческих, политических и даже экономических исследованиях. В этой связи важно понимать, что только комплексный междисциплинарный анализ будет наиболее продуктивным при изучении и выявлении специфики такого сложного феномена, как религиозный конфликт.

Какой же вклад в изучение религиозных конфликтов может внести теология? Остановимся на христианской теологии, в рамках которой можно рассмотреть религиозные, внутриконфессиональные и межконфессиональные конфликты, которые представляют собой некий маркер для поиска разрешения определённой коллизии, сложившейся в социуме. По мере развития общества, а также в условиях глобализации и трансграничной миграции формируются вновь или мигрируют альтернативные религии, новые религиозные движения, которые, как правило, негативно оцениваются как представителями религии большинства, так и органами государственной власти. Религиозная монополия, как отмечают Р. Старк и У. Бейнбридж, может быть лишь при абсолютной поддержке государства лояльной по отношению к нему церкви, влияние которой распространяется на большую часть социума [4, р. 386]. Однако это невозможно в условиях поликонфессионального государства, в котором особо важно соблюдение религиозного мира и конфессионального баланса.

В то же время, если для конфликтологии конфликты – это неотъемлемая часть современной жизни любого человека и главная задача в том, чтобы научиться их распознавать и управлять ими, избегая деструктивных последствий, то для теологии – всё наоборот. Раскол, имеющий конфликтогенные черты, – это ненормальное, неестественное состояние церкви, разрушающее её единство, поэтому подобные конфликты выстраиваются по стратегии «выигрыш-проигрыш», а не «выигрыш-выигрыш», на которую ориентированы конфликтологи. Но в рамках теологии конфликт может рассматриваться как необходимый, так как в процессе его разрешения субъекты конфликта получают возможность отстаивать своё место, свои позиции в религиозном мире, демонстрировать устойчивость системы, её целостность и адаптивность к изменениям, происходящим в ней.

Как правило, расколы имеют глубокие, исторически сложившиеся, внутренние конфликтогенные черты, которые могут спровоцировать переход от конфликтной ситуации к реальному конфликту, т. е. к открытому противоборству сторон. В религиозной сфере таким конфликтогеном может стать нечто незначительное: неудачно сказанное слово, жест, оценка, суждение, действие или, наоборот, бездействие одной из сторон и т. д. Достаточно часто люди сами не помнят, из-за чего произошёл конфликт. Быстрое развитие событий и рост эмоционального напряжения – это особенности конфликтов, протекающих в этой сфере.

Безусловно, конфликты разнообразны по своему типу и уровню протекания. Более того, не всегда возможно чётко определить сферу их проявления и выделить критерий их классификации. Однако в этом и заключается особенность конфликта как объекта теологии. Для неё важно определить религиоз-



ную сущность конфликта, его первопричины, противоречия, которые лежат в его основе. Для христианской теологии в первую очередь интерес представляет рассмотрение церковных конфликтов. Как правило, их объектом являются вероучительные положения отдельных религий или конфессий, обрядовая практика, отдельные организационные положения. В последнее время участились конфликты, предметом которых стал имущественный фактор.

Таким образом, особенностью теологического подхода к конфликту является его системность. Для специалистов, занимающихся теологическим анализом, важно осознание того, что субъекты религиозного конфликта – это элементы единой социальной системы определённого уровня, каждый из которых обладает собственным интересом. От соблюдения баланса интереса отдельного субъекта и интереса системы в целом при их достижении зависит будущее религиозного мира и, как следствие, государственной и национальной безопасности, особенно в поликонфессиональных регионах.

Особенности теологического анализа религиозного конфликта

В Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по направлению 48.04.01 Теология перед теологами ставится задача участия в представительско-посреднической деятельности по разработке вопросов в области разрешения разных видов конфликтов, в том числе и религиозного. Для реализации поставленной задачи прежде всего необходимо разобраться в тонкостях анализа религиозного конфликта, что предполагает изучение его причин, форм, контекстов проявлений; выявление структурно-функциональных и динамических особенностей его протекания. Только на основе данного анализа можно прогнозировать определённые последствия, вырабатывать стратегии и приступать к решению вопроса о способах управления конфликтом. От человека, проводящего данный анализ, требуется объективность, нейтральность и знание специфики религиозной сферы и государственно-конфессиональных отношений. В связи с этим теолог, получивший светское образование, считается лучшим экспертом в этой области.

Однако первая сложность, которая возникает перед теологом, – это то, что достаточно часто концепции анализа религиозных конфликтов в теории и практике расходятся между собой [5]. Это обусловлено тем, что в общеконфликтологической теории даётся только общий набор параметров и переменных для анализа: субъект, объект и предмет конфликта; его границы; этапы развития конфликта; его тип и уровень. Однако с точки зрения теологии такой анализ не представляет практического интереса.

Для теологов важно вскрыть глубинные причины, выявить исторические предпосылки исследуемого конфликта, проследить развитие богословской мысли и интерпретации в ней исследуемых противоречий, изучить первоисточники и проследить в случае необходимости искажение или вольное понимание



отдельных их постулатов, а также выявить основные факторы, способствующие эскалации конфликта в религиозной сфере [6]. В то же время любой конфликтолог скажет, что конфликты, основанные на догматических разногласиях, разрешить нельзя, и даже не возьмётся за их изучение.

В данном контексте представляется интересным мнение отечественного социолога Д. Б. Малышевой о роли доктринальных противоречий в эскалации конфликта: «Особенности религиозной доктрины как таковой не могут стать причиной конфликта, иное дело, они могут создать благоприятные условия для его вызревания. Вместе с тем предсказать заранее, в каких случаях религиозные противоречия могут привести к конфликту, весьма сложно, а порой и просто невозможно, ибо в этих противоречиях нет ничего “фатального”, предписанного заранее, они – результат действия факторов, содержание которых бывает часто глубоко скрыто» [7, с. 150]. Именно в этом и сложность теологического анализа. С одной стороны, эксперты должны выявить основные конфликтогены, способствующие переходу конфликтной ситуации в реальный конфликт, с другой стороны, они ограничены в реализации прогностической функции в долгосрочной перспективе.

Важным в теологическом анализе является также выбор вида и метода анализа конфликта, который часто связан с методологической позицией исследователя. Эксперт сам выбирает методы анализа для достижения лучшего результата или создаёт новые с учётом особенностей сложившейся конфликтной ситуации, её основных свойств и характерных черт. В целом все методы можно разделить на синхронные и диахронные.

Однако, полагаем, для теолога приоритетным является синхронный анализ религиозного конфликта. Он позволяет, во-первых, осознать глубинные причины и выявить исторические предпосылки исследуемого конфликта, оценить текущие события. Во-вторых, определить все стороны конфликта, а также всех, кто по каким-либо причинам может быть втянут в него осознанно или под воздействием манипулятивных технологий. В-третьих, узнать точки зрения всех субъектов религиозного конфликта, понять их взаимоотношения, оценить уровень напряжённости между ними. В-четвёртых, определить факторы и тенденции, которые лежат в основе религиозного конфликта, с целью дальнейшего извлечения полезной информации для его урегулирования.

Также для теолога важно проанализировать среду, в которой протекает или протекал конфликт, т. е. выявить условия. Естественно, ни один конфликт не зарождается и не развивается сам по себе [8]. Окружающая среда оказывает существенное влияние на возникновение и развитие любого конфликта, в том числе и религиозного. Однако в настоящее время существует ряд объективных проблем, связанных с тем, что при формировании современной этноконфессиональной политики чиновники опираются на ситуативный подход. Его суть – в стремлении воздействовать на развёртывающиеся и обостряющиеся межконфессиональные и религиозные конфликты с точки



зрения «целесообразности», задаваемой определённой политической позицией и оценкой, зачастую весьма слабо опирающейся на предварительную экспертизу и вытекающие из неё рекомендации.

В то же время конфликтологическая экспертиза и составляющие её основу конфликтологический мониторинг и менеджмент, проводимые теологами, могут представлять собой действенные инструменты, позволяющие отслеживать зарождение конфликтных ситуаций, выявлять их «болевы́е точки», уровень напряжённости, динамику, характер действий конфликтующих сторон и на этой основе принимать меры по предупреждению и урегулированию конфликтов, стабилизации социальных отношений.

При проведении теологического анализа важно помнить, что обострению религиозной напряжённости содействует ряд факторов, поэтому особое внимание необходимо уделять конфликтогенам, вызывающим и обостряющим типичные конфликтные ситуации в поликонфессиональных регионах. Проблема обеспечения социального партнёрства как основного способа принципиального разрешения социальных конфликтов – это основная проблема, на решение которой должна быть направлена экспертиза.

Коммуникативные методы в управлении религиозными конфликтами

Согласно О. А. Рыжова и В. В. Ларченкова, управление конфликтом представляет собой «деятельность субъектов социальной практики по предотвращению или урегулированию конфликта либо регулированию его хода в соответствии с изменяющейся ситуацией для рационального достижения целей участников текущего социального процесса» [9, с. 117]. Управление конфликтом в широком смысле означает любое целенаправленное влияние на его ход. Следовательно, любой участник конфликта может, предпринимая определённые действия в личных интересах, влиять на конфликт. Однако, находясь внутри конфликта, его стороны редко могут самостоятельно рационально оценивать ситуацию и предпринимать попытки по снижению его интенсивности и предотвращению негативных последствий. Поэтому предполагается, что управление конфликтом должен осуществлять эксперт, не заинтересованный в данном конфликте и имеющий коммуникативные отношения со всеми его участниками. Таким образом, для эффективного управления религиозным конфликтом эксперту необходимо вначале провести его грамотный анализ.

Для этого необходимо выявить истинные потребности участников сторон, потому что увеличение интенсивности конфликта часто размывает первопричины. Так, например, в религиозных конфликтах на стадиях эскалации происходит вовлечение единоверцев и сочувствующих им, включаются психологические механизмы защиты, и первопричины конфликта теряются в межгрупповых претензиях. На этой стадии конфликта уже разрушены практически все каналы взаимодействия между участниками, ведутся неконструктивные диало-



ги, и договорённости не выполняются. Важно отметить, что нарушение коммуникации между сторонами может происходить на разных этапах протекания конфликта. Следовательно, эксперт в каждом конкретном случае должен учитывать, кто является субъектом управления конфликтом в конкретный момент времени, какими ресурсами он обладает, каковы его цели, в какой мере они уже достигнуты. А также определить, на каком этапе находится сам конфликт. В зависимости от этой информации эксперт определяет методы и стратегии управления конфликтом, в основе которых всегда лежит коммуникация [10].

Существуют различные формы преодоления расколов и разрешения противоречий в межконфессиональных отношениях. Одной из них является диалог, который, согласно богословской терминологии, ведёт к уврачеванию конфликта. Эксперты в области межрелигиозного диалога стремятся трансформировать религиозный конфликт посредством изменения межгруппового восприятия и раскрытия общечеловеческого единства представителей различных религиозных групп. В рамках данного диалога представители ни одной религии не могут претендовать на право исключительного голоса или единственно верного мирозерцания, и отношения между представителями различных течений и конфессий могут строиться только на принципах консенсуса, плюрализма и толерантности. Целью конструктивного межрелигиозного диалога является восстановление чувства и сознания безопасности через развитие эмпатии и рефлексивного диалога. Эмпатическое воображение – это способность человека почувствовать то же самое, что в определённых конкретных ситуациях чувствуют другие, таким образом, эмпатия помогает осознать сходство между «нами» и «другими».

К коммуникативным методам управления религиозными конфликтами также можно отнести медиацию и консилиацию – это формы досудебного решения споров. Оба эти процесса являются добровольными, конфиденциальными, неформальными и ориентированными прежде всего на интересы сторон. В отличие от медиации, где медиатор, как правило, не даёт советов сторонам относительно самого решения, в ходе консилиации примиритель по просьбе сторон предлагает вариант решения спора. Предложенное решение при этом не является для сторон обязательным.

Важно отметить, что агентами религиозного диалога, медиации и консилиации должны выступать эксперты, обладающие определёнными знаниями, аналитическими способностями и профессиональными навыками, так как анализ конфликта является базой для определения стратегий управления им и обеспечения гармонии межконфессиональных отношений.

Выводы

Подводя итог, можно отметить, что сложность и многоаспектность дефиниции «религиозный конфликт» затрудняет формирование целостного категориально-понятийного аппарата, необходимого для изучения процессов, связанных с различными столкновениями на религиозной почве и противоречия-



ми, лежащими в их основе. В зависимости от личных и профессиональных предпочтений исследователи используют термины «религиозный конфликт», «священная война», «джихад», «крестовый поход», «церковные расколы», «противоречия между традиционными и нетрадиционными религиями» и т. п. как взаимозаменяемые. Подобная лёгкость в обращении с ними в рамках научных дискуссий вызывает объяснимое неприятие в богословских кругах.

И куда более болезненно подобная реакция несогласия может отмечаться у последователей тех или иных вероучений против неприемлемого, на их взгляд, использования сакральных текстов для иллюстрирования так называемых призывов религиозных лидеров к открытой конфликтной деятельности. К тому же вырванные из контекста фразы могут сильно исказить смысл всего высказывания, как в случае, например, с известными словами пророка Мухаммада, запечатлёнными в суре 9 «Покаяние»: «О вы, которые уверовали! Сражайтесь с теми из неверных, которые близки к вам. И пусть они найдут в вас суровость» [цит. по: 11, с. 91]. Или фраза из текста Евангелия от Матфея: «Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч» (Мф. 10: 34–37), – которая воспроизводится в тексте современного автора вновь без необходимого в таком случае комментария, да к тому же снабжённая абсурдным утверждением о характерности подобного рода обращений для Иисуса Христа [11, с. 91].

Считаем, что эксперты-теологи, имеющие свой предмет исследования, являющийся частью общего объекта – конфессиональных конфликтов, вполне могут занять в научном дискурсе более убедительные позиции в выражении своих взглядов при анализе религиозного конфликта. Применяемые ими методы, как правило, представляют собой гибкие и практические инструменты, помогающие понять всю сложность той или иной ситуации, выбрать наиболее эффективные стратегии и предложить ряд возможностей, в том числе междисциплинарного характера, для эффективного урегулирования религиозного конфликта. Неслучайно поэтому в современные учебные планы по направлению 48.04.01 Теология вводятся конфликтологические и социологические дисциплины, объектом изучения которых являются также конфликты в религиозной сфере.

Литература

1. Леонов Н. И. Онтологическая сущность конфликтов. *Ярославский психологический вестник*. 2001;(4).
2. Забияко А. П., Красников А. Н., Элбакян Е. С. (ред.) *Религиоведение. Энциклопедический словарь*. М.: Академический проект; 2006. 1256 с.
3. Орлянский В. С. *Конфліктологія*. Киев: Центр учбової літератури; 2007. 160 с.
4. Stark R., Bainbridge W. S. *A Theory of religion*. Bern: Lang; 1987. 392 p.
5. Bercovitch J., Jackson R. *Conflict Resolution in the Twenty first Century; Principles, Methods and Approaches*. University of Michigan Press; 2009. 240 p.
6. Jindra I. W. How Religious Content Matters in Conversion Narratives to Various Religious Groups. *Sociology of religion*. 2011;72(3):275–302.



7. Малышева Д. Б. *Религиозный фактор в вооружённых конфликтах современности: развивающиеся страны Азии и Африки в 70–80-е гг. М.*: Наука, 1991. 193 с.
8. Eck K. From Armed Conflict to War: Ethnic Mobilization and Conflict Intensification. *International Studies Quarterly*. 2009;53:369–388.
9. Рыжов О. А., Ларченков В. В. Управление социальным конфликтом. *Власть*. 2012;(5):114–117.
10. Фишер С., Абди Д. И., Лудин Д., Смит Р., Уллиамс Ст., Уллиамс С. *Работа с конфликтом: навыки и стратегии практической работы с конфликтом*. Алмата: Конфликтологический центр; 2001. 81 с.
11. Волобуева М. М. Религиозный лидер и религиозный конфликт. *Известия Алтайского государственного университета*. 2003(4):91–95.

References

1. Leonov N.I. Conflicts and their Ontology. *Yaroslavskii psikhologicheskii vestnik = Psychology Yaroslavl Bulletin*. 2001;(4). (In Russ.)
2. Zabiyaiko A. P., Krasnikov A. N., Elbakyan E. S. (eds) *Religious Studies: Encyclopaedic Dictionary*. Moscow: Academic Project Press, 2006. (In Russ.)
3. Orlyansky V. S. *Conflictology*. Kiev: Centre of Educational Literature Publishing, 2007. (In Ukraine)
4. Stark R., Bainbridge W. S. *A Theory of religion*. Bern: Lang; 1987.
5. Bercovitch J., Jackson R. *Conflict Resolution in the Twenty first Century; Principles, Methods and Approaches*. University of Michigan Press; 2009.
6. Jindra I. W. How Religious Content Matters in Conversion Narratives to Various Religious Groups. *Sociology of religion*. 2011;72(3):275–302.
7. Malysheva D. B. *Religious Impact in the Armed Conflicts of Today: Asian and African Countries in 1970–1980s*. Moscow: Nauka, 1991. (In Russ.)
8. Eck K. From Armed Conflict to War: Ethnic Mobilization and Conflict Intensification. *International Studies Quarterly*. 2009;53:369–388.
9. Ryzhov O. A., Larchenkov V. V. How to Manage a Social Conflict. *Vlast'*. 2012;(5):114–117. (In Russ.)
10. Fisher S., Abdi D. I., Ludin J., Smith R., Williams St., Williams S. *Working with Conflict: Skills and Strategies for Action*. UK: Zed Books; 2000.
11. Volobueva M. M. Religious Leaders and Religious Conflicts. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University Journal*. 2003(4):91–95. (In Russ.)

Информация об авторе

Силаева Зоя Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры религиоведения, заместитель заведующего кафедрой религиоведения, заместитель заведующего отделением философии и религиоведения по образовательной деятельности, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

About the author

Zoya V. Silaeva, Cand. Sci. (Polit.), Ass. Prof., Department of Religious Studies, Deputy Head Department of Religious Studies, Deputy Head Department of Philosophy and Religious Studies Educational Division, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation.